ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Т. М. Шкапенко «Интеракционально-прагматические функции междометий (на материале заимствованных англо-американских интерьективов в современном русском языке)», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальностям 10.02.01 – русский язык, 10.02.19 – теория языка (Калининград, 2018)

Диссертационное исследование Т. М. Шкапенко обращено к анализу интересного и мало изученного в современной русистике феномена (заимствованные междометия) сквозь призму семиотической, лингвокогнитивной, прагматической и лингвокультурологической парадигм.

Актуальность исследования определяется, с одной стороны, экстралингвистическими и социокультурными факторами отечественной действительности, оказывающими серьезное влияние на современный русский язык (прежде всего, глобализация, трансформация языкового вкуса, вульгаризация, снижение уровня культуры речи и т. д.), с другой стороны, собственно современным состоянием лингвистической науки и необходимостью теоретического осмысления старинных (например, природа и типология междометий) и новых (очередная волна заимствований) проблем. Т. М. Шкапенко смело берется за такие сверхактуальные вопросы лингвистики, как отсутствие полноценной когнитивно-лингвистической теории междометия или анализ текущих лингвоэкологических вызовов.

Одна из самых сильных сторон данного диссертационного исследования – это всеохватный и максимально глубокий обзор проблемы природы междометия как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Традиционная часть диссертации «к истории вопроса» выполнена с такой тщательностью, что главы 1 и 2 могут служить своеобразной энциклопедией не только современной теории интерьективистики, но и едва ли не всех доминирующих в антропоцентрическом языкознании направлений: от теории семантического метаязыка и когнитивно-дискурсивного подхода до

коммуникативной прагматики и теории речевых актов. В теоретических рассуждениях Т. М. Шкапенко подкупает бережное отношение к истории науки и аккуратное использование работ и идей классиков в свете новых научных концепций: так, взгляды А. А. Потебни (стр. 26, 71 и др.), Ф. Ф. Фортунатова (стр. 117), Э. Бенвениста (стр. 89, 96-97, 133) и других корифеев прошлого гармонично вплетаются в нить рассуждений современных ученых.

Новизна диссертационного исследования обусловлена несколькими составляющими. Во-первых, все еще мало изучен сам языковой материал: в отечественной русистике заимствованные на рубеже XX – XXI вв. междометия не подвергались столь масштабному анализу и не становились предметом исследования уровня докторской диссертации. Во-вторых, уникален сам ракурс исследования данных языковых единиц, совмещающий несколько подходов: когнитивный, семиотический, лингвопрагматический, аксиологический. В-третьих, Т. М. Шкапенко разработала и успешно апробировала авторскую методику эмпирического исследования семиозиса (и его динамики) заимствуемого знака на основе двукратного с хронологическим разрывом анкетирования носителей языка-рецептора.

Теоретическая значимость диссертации определяется, прежде всего, (1) разработкой новой, интеракционально-прагматической теории междометия, (2) созданием типология интеръективов как конкретных типов реализации прагматической интеракциональности, (3) описанием природы интеръективации как конверсии дескриптивного знака в интеракционально-прагматический знак; (4) доказательством нетождественности междометий на уровне речепроизводства и речевосприятия; (5) выявлением прагматических функций интеръективов как культурно-семиотических маркеров аксиологической и поведенческой матрицы разных лингвокультур.

Практическая значимость диссертации состоит в возможности использования материалов и результатов исследования (1) в изучении проблем взаимоотношения разных языковых картин мира, разных поведенческих стереотипов и аксиологических шкал той или иной

лингвокультуры; (2) при разработке и применении методов когнитивного, прагматического, семантического, дискурсивного анализа; (3) в разысканиях, посвященных как заимствованиям, так и разнообразным «коммуникативным дребезгам» (термин С. С. Шляховой); (4) в вузовских курсах по грамматике русского и английского языков, семиотике, теории перевода, теории коммуникации, общей лингвистике, современным лингвистическим методам, а также при проведении разнообразных спецкурсов.

Кроме того, разработанная Т. М. Шкапенко методика «эмпирического наблюдения семиозиса заимствуемого знака» также имеет практическую ценность, так как может быть применена для исследований динамики иных заимствований – не только вербальных, но и невербальных.

Масштаб поставленной в начале работы цели («представить системное описание интеракционально-прагматических функций междометий как культурно-семиотических маркеров, предопределяющих эмоционально-аксиологическую матрицу поведения представителей различных этнокультур» (стр. 7-8) предопределил количество и качество выдвигаемых задач и положений, выносимых на защиту. Построение диссертации полностью соответствует этапам решения поставленных задач.

В главе 1 глубоко и полномасштабно обосновываются исходные позиции, теоретические предпосылки работы. В ней с максимальной полнотой описаны такие ключевые для дальнейшего исследования проблемы, как лингвистический статус, сущность, принципы выделения и типология междометий. Весьма результативен методологический ход параллельного представления различных актуальных подходов к описанию междометия – отдельно в западной (п. 1.3) и отечественной (п. 1.4) науке. Такой прием позволяет наблюдать, как Т. М. Шкапенко, разрабатывая собственную концепцию природы междометия, последовательно использует лучшее из достижений как зарубежной, так и русской лингвистики.

Наиболее значимый, на наш взгляд, фрагмент этой главы – п. 1.2.2, представляющий описание и критический анализ процедурно-инференционного подхода к описанию междометий (идеи Т. Уортона и др.).

Глава 2 посвящена изложению авторской интеракционально-прагматической концепции описания междометия. Данный фрагмент исследования также подкупает фундаментальностью, продуманностью, аккуратным разбором различных точек зрения, возможных аргументов за и против. Отметим наиболее ценные и важные положения этой главы.

Во-первых, нельзя не приветствовать реактуализацию семиотических идей для лингвистики: «”Перевод” всех многочисленных объяснительных формулировок <…> на язык семиотики способен предоставить прочные теоретико-парадигмальные принципы для решения всех сложнейших проблем описания различных классов междометий» (стр. 85).

Во-вторых, продуктивным для дальнейших исследований междометий и коммуникативно ориентированных вербальных/вербализованных единиц, с ними связанных, следует признать сопоставление идей М. М. Бахтина с концепциями американского и французского лингвистического интеракционализма: «в случае с междометиями интеракциональность лингвистична» (стр. 91) и «интеракциональность междометий является их имманентным свойством» (стр. 150).

В-третьих, весьма перспективен проведенный в русле западной традиции анализ междометий с точки зрения теории речевых актов (п. 2.2.3), в котором отдельного упоминания заслужили совсем уж маргинальные «слова отгона и призыва» животных (стр. 132). Такой внимательный подход к самой дальней периферии языковой системы вновь демонстрирует научную точность и объективность Т. М. Шкапенко как ученого.

В-четвертых, заслуживает будущего внимания грамматистов семиотическая концепция интеръективации как «семиотической конверсии, в ходе которой дескриптивный знак трансформируется в знак интеракциональный» (стр. 141 и далее).

Наиболее важным для всего исследования представляется следующий вывод: «Выделение семиотической дихотомии – «интеракциональный /дескриптивный знак» – предоставляет теоретико-методологическую основу для непротиворечивой интерпретации всех классов междометий, а сам критерий интеракциональности используется с целью установления степени «интеръективности» различных единиц, чье включение в интеръективную номенклатуру является дискуссионным» (стр. 151).

Третья, самая маленькая, глава диссертационного исследования играет важную роль, так как содержит результаты уникального, авторского анкетирования, позволяющего эксплицировать механизмы семиозиса чужого слова в языке-рецепторе: «Если словари фиксируют факт семиологизации заимствуемого знака – сформировавшийся семантический инвариант слова, то выявляемые в ходе анкетирования различные способы интерпретации, смысловые приращения, эмоциональные оценки и идеологические коннотации, позволяют наблюдать процесс деятельностного участия интерпретатора в акте семиозиса в непосредственной динамике формирования интерпретанты заимствуемого знака» (стр. 177).

Отметим, что двукратное анкетирование, проведенное Т. М. Шкапенко, не только дает важные результаты для финального этапа исследования, но и намечает возможные пути применения полученных данных в дальнейшем. Так, отдельной темой самостоятельного анализа может стать метаязыковая рефлексия респондентов (ср.: *вау* – «когда я тащусь от чего-то»; «всегда употребляю, когда не хватает слов»; «когда что-то не понимаю»).

Последняя, четвертая глава посвящена комплексному анализу заимствованных англо-американских междометий: *вау, упс, йес,* а также этикетных клише и интеръективированных формантов типа *супер*. Опуская пересказ содержания данной главы, весьма подробно и добротно представленного в автореферате, отметим ряд наиболее значимых находок.

Прежде всего, хотелось бы отметить удобство и логичность подачи материала. Каждое из заимствованных междометий подробно описывается

по общему плану: сначала представляются существующие работы, посвященные данной единице, затем производится анализ английских и русских словарей, после этого путем анализа контекстов употребления единицы в гетерогенных текстах (СМИ, интернет, опрос) реконструируются фреймовые структуры единицы в языке-доноре и в языке-реципиенте. Результаты сопоставления приводятся в сводной таблице.

Трудно спорить со списком выявленных в результате анализа функций междометия *вау*: «1) приучение к низшим, сенсорно-перцептивным формам выражения интенсивного позитивного удивления; 2) формирование инстинкта потребления путем выработки условного *вау*-рефлекса, 3) воспитание гедонистического отношения к окружающему миру»(стр. 325).

Анализ 65 рекламных роликов (4.1.1.4.) и связанных с *вау* мемов демонстрирует отличный методический ход, доказывающий правоту авторской гипотезы: иноязычные междометия приходят через СМИ (и в не меньшей степени через интернет!). Впечатлило использовании *вау* в речи «общественных или политических деятелей, исповедующих так называемые либеральные взгляды» (стр. 230) и в идиостиле В. Шендеровича (стр. 231). В работе замечательно проведен анализ *вау*-дериватов (стр. 232).

Анализ заимствованных междометий *йес* и *упс* (пп. 4.2 и 4.3 соответственно) также проведен разносторонне и в полном объеме. В очередной раз подкупает обилие тщательно собранного и тонко проанализированного материала. Особое научное и лингвоэстетическое удовольствие доставляет найденное автором употребление *йес* в речи Н. С. Михалкова, посвященной «сохранению исконных русских ценностей» (стр. 249). Вывод этой части работы о том, что инкорпорация *йес* в современный язык может быть «интерпретирована как успешное «внедрение» конфронтационно-эгоцентрической модели поведения в систему ценностей носителей принимающего языка» (стр. 259) соответствует внутренней логике диссертационного исследования и не вызывает сомнений.

В п. 4.4.1 убедительно проанализировано то, как, в отличие от прямых заимствований первичных эмотивных междометий, внедрение клише в область русского речевого этикета осуществляется преимущественно в форме калькирования устойчивых речевых оборотов (*Не переключайтесь! Оставайтесь с нами! Береги себя!*). В результате этот процесс приводит носителя русского языка к усвоению американских клише, ценностей общества потребления и «основных измерений современной цивилизации».

Параграф 4.4.2. посвящен анализу относительно нового процесса – прагматизации формантов *супер, гипер* и др., ранее служивших средствами словообразования в книжном дискурсе, а в современном языке переживающих разнообразные трансформации: от семантических и грамматических (частеречная принадлежность) до прагматических и аксиологических.

Итак, выдвинутая на первоначальном этапе рабочая гипотеза о том, что «прагмалингвистическая функция заимствованных междометий состоит в формировании коррелирующих с перенимаемой моделью мировидения эмоциональных рефлексов и поведенческих стереотипов, обеспечивающих ее успешное внедрение и функционирование в языковом сознании носителей принимающего языка» (стр. 8), полностью и убедительно подтверждена полученными в ходе исследования результатами.

Таким образом, цель диссертационного исследования Т. М. Шкапенко была достигнута, исследовательские задачи, поставленные в начале работы, – решены. Положения, выносимые на защиту, подтверждены и фундированы.

Вместе с тем, как любая большая исследовательская работа, диссертация Т. М. Шкапенко не лишена некоторых шероховатостей.

К наиболее важным замечаниям отнесем следующие:

1) В первой главе иногда не хватает более чётко артикулированной авторской позиции, например, в почти сугубо реферативных пп. 1.1.1 и 1.1.2, а также при описании разнообразных классификаций междометий (п. 1.1.3).

2) Непонятна логика выводов пп. 4.1 – 4.3: в результирующих таблицах приводится фреймовая структура междометий *wow* и *вау*, *oops* и *упс* для двух языков, но английское *yes* сопоставлено с русским *ура*.

3) Написание с прописной буквы всех сложных слов с первой частью *интернет*- повергает в орфографический шок.

4) Отметим ряд небрежностей:

4.1. Треугольник Г. Фреге не назван в честь автора, но дается со следующей ссылкой [Комарова 2012: 172] (стр. 84);

4.2. У авторского словаря Л. Дядечко «Вокруг да около рекламы» (Киев, 2007) неожиданно появился соавтор К. Туркова (стр. 211);

4.3. При анализе наиболее популярных американских слоганов, которые способствовали интерьективации *yes*, не упомянут важнейший для времен WWII слоган «Yes, we can do it!» (стр. 243).

Актуальное, материально насыщенное и имеющее несомненную теоретическую и практическую значимость исследование Т. М. Шкапенко не свободно от дискуссионных моментов и вызывает ряд вопросов.

1) Почему *прыг* – это ономатоп (стр. 116)? Ни в этимологических словарях, ни в специальных работах по ономатопеической лексике ([Голубева 2016]), нет доказательств этого. Более того, университетские учебники, описывающие морфологию русского языка (например, [Белошапкова 1989], [Диброва 2006]), эксплицитно *противопоставляют* это отглагольное междометие звукоподражательным словам!

2) Может быть, ведущая роль в трансляции и распространении заимствованных интерьективов принадлежит не СМИ, а интернет-коммуникации и языку интернета? И можно ли считать, что описанные в диссертации механизмы устранения аксиологических, поведенческих и пр. лакун аналогичны тем, которые приводят к выходу в реальную речь русских по происхождению интернет-междометий типа *гы-гы-гы* или *ахахах*?

3) Почему при описании анализируемых интерьективов не использовались такие важные источники наивной интернет-лексикографии,

оперативно фиксирующие языковые инновации, как www.slovonovo.ru, www.teenslang.su, www.slovoborg.su (здесь есть оценочное голосование)?

4) Действительно ли перед нами уникальный в истории русского языка сюжет заимствования эмоционально-когнитивных междометий? «Впервые ранее замкнутая группа прототипических первообразных эмотивных междометий пополнилась за счет внешних заимствований» (пол. 1). Как же быть с общеиндоевропейским по происхождению междометием *ах*!, изменившим сферу употребления в XVIII в.? Так, иллюстративный материал статьи **АХ** «Словаря русского языка XVIII века» однозначно свидетельствует о привнесенном с западной литературой новом «значении» междометия ‘для передачи взволнованности повествования, идущего от автора (в поэтике сентиментализма)’ [СРЯ XVIII Т.1, 118]. (Кстати, «риторическая» специфика *ах* и *ох*, отмеченная А. Вежбицкой, упомянута и на стр. 200 диссертации.)

5) Столь же трудно согласиться с утверждением о том, что в конце XX – начале XXI вв. «система русского речевого этикета подверглась основательной, беспрецедентной в истории контактов языков и культур трансформации» (стр. 301). Разве не было прецедента в истории XVIII в., когда и появилась большая часть привычного нам речевого этикета (например, калькированные приветствия [Балакай 2004, 137], вежливое *Вы* [там же, 89] и др.), а ситуация для современников выглядела не менее катастрофической?

Отметим, что вопросы носят уточняющий и/или дискуссионный характер и ни в коей мере не умаляют достоинство исследования.

В заключение еще раз повторим, что диссертация Т. М. Шкапенко – это актуальная и практически значимая научная работа, в которой представлено важное фундаментальное для развития лингвистической теории исследование как природы междометия, так и специфики заимствованных англо-американских интеръективов в русском языке. Автореферат и опубликованные работы полностью отражают содержание диссертации.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, считаем, что диссертация Шкапенко Татьяны Михайловны «Интеракционально-прагматические функции междометий (на материале заимствованных англо-американских интерьективов в современном русском языке)» тематически соответствует паспортам специальностей 10.02.01 – русский язык, 10.02.19 – теория языка, в полной мере отвечает требованиям, установленным в п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней» в редакции Постановления Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальностям 10.02.01 – русский язык, 10.02.19 – теория языка.

12 марта 2018 г.

Доктор филологических наук
(10.02.01 – русский язык), доцент,
профессор кафедры русского языка
ФГБОУ ВО «Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена» В. А. Ефремов

ФГБОУ ВО «Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена»
191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48
Тел.: (812) 571-60-88
E-mail: mail@herzen.spb.ru

филологический факультет
кафедра русского языка
Тел.: (4822) 643-77-67*45-36
E-mail: valef@mail.ru

РГПУ им. А. И. ГЕРЦЕНА
подпись Ефремова В.А
удостоверяю «12» марта 2018 года
Отдел персонала и социальной работы
управления кадров и социальной работы

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ * Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» * УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Ведущий документовед
отдела персонала и социальной
работы
А.Д. Пызина